

В.С. АВДОНИН*

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ

Рецензия на кн.: Гордон А.В. Историки железного века. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 448 с. – (Серия «Humanitas»).

Для цитирования: Авдонин В.С. История и политика в эпоху диктатуры (Рецензия) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 340–348. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.01.14>

Книга известного российского историка-франковеда Александра Владимировича Гордона, посвященная судьбам десяти видных советских ученых, прежде всего важна, конечно, для самих историков, особенно для тех, кто интересуется судьбами советской исторической науки и ее творцов, вехами ее становления, достижениями и проблемами. Автор не просто знает этот предмет досконально, но и является прямым свидетелем и участником многих событий того времени, хранителем интереснейших воспоминаний и впечатлений, выражающих дух эпохи. Яркие, насыщенные описания, малоизвестные факты, тонкие профессиональные размышления и наблюдения, несомненно, будут чрезвычайно интересны читателям.

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

На наш взгляд, эта книга может представлять интерес и для политологов, обращенных к исследованию политико-культурных и политико-идеологических явлений и процессов, имеющих место в условиях тоталитарных диктаторских режимов. С этой точки зрения данную работу можно рассматривать как информативное (в духе «насыщенного описания» – *thick description*) исследование случая (*case study*), позволяющее увидеть и проследить многие особенности и подробности изучаемых феноменов. С одной стороны, здесь важен временной срез наблюдения предмета (с конца 1920-х годов до начала 1980-х), задающий его лонгитюдное изменение, с другой – его более-менее строгая и хорошо знакомая автору предметно-тематическая локализация (изучение истории Французской революции). И то и другое открывает путь к достаточно подробному и всестороннему исследованию рассматриваемого «кейса», а именно: комплекса идей и концепций советской историографии (в лице ее видных представителей) относительно Французской революции и его изменения на протяжении нескольких десятилетий.

Для самого автора наиболее важной задачей является попытка осмыслить те достижения и успехи, которых смогли добиться выдающиеся советские историки в изучении Французской революции и революционной традиции в целом в условиях жесточайшего идеологического давления, контроля и репрессий тоталитарного режима [Гордон, 2018, с. 11–15]. Откровенный разговор об этом, предпринятый одним из участников процесса, видевших его изнутри, несомненно, очень важен и для современного сообщества российских историков-франковедов, и для отечественной исторической науки в целом.

Для политолога же при знакомстве с книгой вопрос ставится несколько иначе. Хорошо известно, что в определении тоталитарных режимов политическая наука обычно подчеркивает роль идеологии в системе их властных ресурсов [Friedrich, Brzezinski, 1972; Linz, 2000; и др.]. С этой точки зрения проблематика Французской революции (и ее исторические интерпретации) может рассматриваться как составная часть политико-идеологических и даже шире – духовных ресурсов советского режима. Наблюдение за историческими трактовками этой революции, за сменой акцентов в интерпретации различных ее фигур, событий, аспектов, за возникновением разного рода ограничений и табу в ее изучении и т.д.

может дать важные свидетельства о процессах и изменениях в идеологической ресурсной базе советского тоталитаризма на разных этапах его эволюции. Интеллектуальные усилия историков в изучении темы Французской революции, разумеется, тоже существенны и интересны, но для политологического анализа в первую очередь важен политико-идеологический статус этой тематики (и изменений в ней) в системе властных ресурсов и стратегий политического режима.

И здесь книга Гордона, содержащая богатый, а порой и эксклюзивный массив данных, является исключительно важным свидетельством. В главах, посвященных первому поколению советских историков Французской революции, автор упоминает начавшуюся на рубеже 1920–1930-х годов кампанию разоблачения принятой ранее исторической парадигмы, сближавшей Французскую и русскую революции [Гордон, 2018, с. 32]. В легитимации советского диктаторского режима («опыта Октября») сближение с французским прототипом (опытом якобинской диктатуры) играло важную роль, исторически обосновывая необходимость революционной диктатуры. Но в развернувшейся кампании такое сближение стало подвергаться критике как неоправданная «модернизация», как «вредное» сближение «пролетарской диктатуры» с «мелкобуржуазной диктатурой» [Гордон, 2018, с. 31–32].

Марксистские историки оказались в трудном положении: им пришлось отказываться от того, что они совсем недавно старательно обосновывали. Гордон анализирует, как это происходило, и отмечает, что для ряда историков такой поворот к новым установкам оказался невозможным. Они фактически продолжали с теми или иными коррективами свои изыскания в русле параллелей русской и Французской революций, внося определенный признаваемый и сегодня вклад в эту проблематику, пока их работа не была прервана репрессиями (главы о Г.С. Фридянде, Я.В. Старосельском, Я.М. Захере).

Для политолога здесь интересен вопрос, почему правящий режим решил отказаться от ресурса исторической легитимации через параллели с Французской революцией. В книге можно найти ответ. Автор описывает судьбы, исследования и споры историков той эпохи в контексте утверждавшейся в стране жесткой формы идеологической монополии, которая предполагала господство над всеми сторонами идейной жизни, в том числе и над научными изысканиями историков. В этой фазе режим нуждался уже не

столько в исторической легитимации, допускавшей некоторую авторскую концептуализацию и автономию исследований, сколько в утверждении безраздельной идеологической монополии как таковой. На первый план в его властной стратегии были выдвинуты установки партии и ее вождя, а не исторические параллели, факты и концептуализации [Гордон, 2018, с. 35–36]. В системе властных ресурсов тоталитарного режима все большее место занимала идеологическая консолидация общества под эгидой власти, любая идейная автономия больше не допускалась и каралась административными и даже уголовными санкциями.

Ломавшие судьбы людей чистки и идеологические кампании по разоблачению различных уклонов, о которых рассказывает автор, формировали в исторической науке режим беспрекословной лояльности идеологическим установкам партийного руководства. Они уже не могли оспариваться или даже заметно корректироваться научными аргументами, а подлежали реализации «в интересах пролетариата». В книге Гордона ее герои – «революционные историки-марксисты» (некоторые из которых были расстреляны в 1937 г.) – называют это «принципом партийности марксистской науки» и гордятся тем, что «наша марксистская наука находится “на службе” у пролетариата и коммунистической партии...» [Гордон, 2018, с. 38].

Интересен для политолога и представленный в книге сюжет об исследовании постреволюционной наполеоновской эпохи и самой исторической фигуры Наполеона в советской историографии. Автор, на наш взгляд, удачно концентрирует внимание на сопоставлении двух наиболее популярных сочинений на эту тему – монографий видных историков Е.В. Тарле и А.З. Манфреда о Наполеоне [Гордон, 2018, с. 227–272]. Работа Тарле – уникальный пример сочинения опального академика «старой школы», к тому же с благословения «троцкиста» К. Радека, которое появилось в разгар Большого террора. Объяснить это можно было лишь одобрением самого вождя, о чем и упоминает автор. Но почему Сталин одобрил эту работу?

Проследившая идейную эволюцию Тарле, Гордон отмечает, что тот к моменту создания монографии о Наполеоне проделал путь «от демократического республиканизма к имперскому авторитаризму», и добавляет, что и «сама партийная идеократия стала эволюционировать в имперско-державном направлении» [Гордон,

2018, с. 233]. Сталин, судя по всему, уже воспринимал эти мотивы и потому поддержал работу, которая стала очень популярной. Все это показывает, что в блоке идеологических ресурсов советского политического режима в конце «драматических и роковых» 1930-х обнаруживается крепнущая имперская компонента, влекущая определенный пересмотр взглядов и на прошлое страны, и на отношение к революциям и к гениальным вождям. Анализируя творчество Тарле и реакцию на него советских историков, Гордон тонкими профессиональными штрихами демонстрирует читателю то, как постепенно эта «ревизионистская» имперская компонента проникала и адаптировалась в советской исторической науке, соседствуя с ее классовым детерминизмом и историческим материализмом [Гордон, 2018, с. 238–252].

Так же объемно в книге представлена и монография А.З. Манфреда о Наполеоне, с обстоятельствами создания которой на рубеже 1970-х годов автор соприкасался лично. Помимо ее содержательного анализа, выполненного в контексте сопоставления с монографией Тарле, и интереснейших личных свидетельств автор часто останавливается на «идеологическом режиме», в условиях которого создавалось это сочинение. И характеристики этого режима могут быть важны для политико-культурного анализа, нацеленного на исследование идеологических ресурсов послесталинской политики в СССР.

Так, автор подчеркивает, что работа Манфреда, по сути, означала возвращение к парадигме 1920-х годов [Гордон, 2018, с. 252]. Наполеон предстает в ней персонажем, исторические успехи и свершения которого во многом были связаны с воплощенным в его деятельности преобразовательным потенциалом революции. А «надлом» и движение к упадку («нисхождение») происходит тогда, когда деяния императора начинают утрачивать революционный характер [Гордон, 2018, с. 268]. То же историк относит и к плеяде наполеоновских деятелей (а об их круге и роли Манфред говорит значительно больше, чем Тарле). И их успехи он связывает с революционным генезисом, а нисхождение – с его утратой.

В монографии Манфреда также заметно больше внимания, чем у Тарле, уделяется деятельности императора в гражданской сфере, его личной жизни, отношениям с женщинами, идейной эволюции, психологическим чертам. Одобренное идеологическим руководством и ставшее популярным у читателей, сквозь призму

анализа Гордона это сочинение предстает и как своего рода «зеркало» идеологических предпочтений советской политической культуры начала 1970-х. В ней сохраняется и даже акцентируется историческая значимость революции и критика «буржуазности», но скромнее выглядит роль политического вождя, в ней более ощутимо человеческое измерение истории и политики, заметны антимилитаристские мотивы, снижен накал политического противостояния.

Отчасти это «слепок» идеологии «шестидесятников», отчасти картина сдвигов в официальной идеологии. С точки зрения политологического анализа этот идеологический репертуар свидетельствует о заметной эволюции идеологических ресурсов советского политического режима, ослабления его тоталитаризма и появления в нем посттоталитарных признаков.

Отметим также представленный в книге портрет видного советского историка Б.Ф. Поршнева [Гордон, 2018, с. 169–214]. Как и многих своих героев, автор рисует его ярко и увлекательно, в то же время детально прописывая контекст, в котором разворачивалась деятельность ученого, и сопровождая рассказ личными впечатлениями. В анализе автора акцент сделан на «системность» мышления Поршнева, на его концептуальность, на стремление проникнуть в глубину, спуститься к истокам, к началам истории. Для политологического и политико-культурного ракурса рассмотрения это служит симптомом усиления поисков в идеологическом фундаменте советского режима. Речь идет не просто о том, чтобы после жестких идеологических предписаний сталинской эпохи вернуться к предшествующей эпохе с ее более широкими идеологическими трактовками основ марксистского учения, но о том, чтобы углубиться в сами основы и попытаться их переосмыслить.

Гордон прослеживает, как эти мотивы намечались и проявлялись в работах Поршнева разных лет и по разной тематике – истории социалистических идей, народным восстаниям, истории религий, теории общественных формаций и т.д. Но с наибольшей определенностью они были выражены в монографии «О начале человеческой истории» (работа готовилась на рубеже 1960–1970-х годов, а появилась в урезанном виде в 1974 г.) [Гордон, 2018, с. 210]. Обращение к началу истории означало фокусировку на наиболее фундаментальных вопросах. И здесь Поршневу вводил

тематику антропогенеза и палеоантропологии, отправляясь от которой и развивал свои концепции социальности и историчности.

С одной стороны, они вписывались в канонический идейный фундамент марксизма-ленинизма (видение истории как борьбы классов), но с другой – по существу, претендовали на стремление переосмыслить его. Гордон отмечает в работе Поршнева оригинальную концепцию «двух инверсий» (одной – при переходе от животного состояния к человеческому, второй – в ходе движения истории от изначального состояния к современному), сильнейший акцент на социальную психологию, отчетливые гегелевские мотивы, полемику с Энгельсом [Гордон, 2018, с. 208–212]. Не удивительно, что издание такой монографии шло трудно, текст переделывался, сокращался. Как отмечает Гордон, у нее были сторонники, однако противников у «неортодоксально-ортодоксального» подхода Поршнева было больше.

И среди них были не только ревнители идеологической чистоты, но и более свободно мыслящие историки. Для последних это могло быть отчасти связано с корпоративными интересами (их мог не устраивать приоритет жестких схем над столь ценным историками богатством фактов, а также выход в плохо знакомые области антропогенеза и палеоантропологии). Но не только! За переосмыслением основ официального учения с помощью новых схем могли угадываться новый вариант основ и вероятность нового идеологического диктата. Так что попытки переосмысления основ были для советской идеологии на рубеже 1970-х делом еще далеко не простым, чреватым многими проблемами и ловушками.

Еще одна очень важная черта практически всех портретов у Гордона – сюжеты об отношении его героев с западными левыми и «прогрессивными» коллегами-историками (преимущественно французскими). Для политико-идеологического анализа это особенно интересно, так как открывает путь к пониманию особенностей взаимодействий участников советского идеологического режима с ближним кругом «внешнего идеологического контура». И здесь тоже важен лонгитюдный характер повествования, позволяющий видеть константное и меняющееся в этих отношениях.

Наиболее устойчивым было, пожалуй, некое идеологическое превосходство, с которым советские историки пытались навязать левым западным коллегам свои концепции, при одновременном признании их научных достижений в введении большого, в значи-

тельной степени архивного фактического материала, который в условиях «железного занавеса» был недоступен советским историкам. Жесткость этого навязывания на разных этапах, как показывает автор, менялась. В 1930–1950-е годы оно часто приобретало вид, напоминающий кампании по борьбе с уклонами, свойственными советской идеологической практике в тот период, что существенно осложняло научное сотрудничество и подрывало личные контакты.

Позднее ситуация изменилась, научное сотрудничество с «прогрессивными» западными коллегами приобрело для советских историков большую ценность в плане признания своего научного и общественного статуса. Многие из них старались его поддерживать и развивать, что вело к сглаживанию идеологических разногласий. Тем не менее модель навязывания советского идеологического превосходства в этих отношениях еще долго сохранялась и поддерживалась, в том числе и самими видными историками. Гордон отмечает эту черту у многих своих героев (Манфреда, Далина, Поршнева), критиковавших, иногда весьма остро, «идеологические ошибки», «незрелость», «непонимание» марксистско-ленинской теории у своих западных коллег при признании их научных достижений.

Мы обратили внимание лишь на несколько сюжетов из удивительно насыщенной и многоплановой работы Гордона, которые, на наш взгляд, были бы интересны для исследования с позиций политической науки. Вряд ли необходимо здесь продолжать их перечисление, ибо любой их набор не может заменить знакомства читателя с самим текстом книги, со всем богатством тем, свидетельств, размышлений и оценок автора.

В заключении рецензии даже самой хорошей книги принято говорить о ее недостатках. Но в нашем случае это было бы некорректно. Эта работа обращена прежде всего к историкам, поэтому им и следует здесь говорить нечто содержательное. Политологу же, взявшемуся за эту книгу, можно сказать лишь, что его ожидает очень интересное, но сложное чтение. Нужно быть готовым вчитываться и размышлять над прочитанным, быть внимательным к деталям, а иногда и возвращаться к прочитанному и вновь его обдумывать. Но результатом такого чтения будет, несомненно, более глубокое понимание предмета, в том числе с точки зрения политологии. В определенной мере это может стать и опытом междисципли-

плинарного взаимодействия между историком и политологом, преодолевающим границы дисциплин. А при преодолении рубежей и границ в науке, как известно, часто рождаются новые открытия.

Список литературы

- Гордон А.В. *Историки железного века*. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 448 с. – (Серия «Humanitas»).
- Friedrich C.J., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. – N.Y.: Praeger, 1972. – 439 p.
- Linz J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. – Boulder, CO; L.: Lynne Rienner Publishers, 2000. – 343 p.

V.S. Avdonin*

History and politics in the era of dictatorship (Review)

For citation: Avdonin V.S. History and politics in the era of dictatorship (Review). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 340–348. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.14>

References

- Gordon A.V. *Historians of the Iron Age*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018, 448 p. (Series «Humanitas») (In Russ.)
- Friedrich C.J., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. N.Y.: Praeger, 1972, 439 p.
- Linz J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. Boulder, Colo.; London: Lynne rienner publishers, 2000, 343 p.

* **Avdonin Vladimir**, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru